

ЕВРОПА: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРОГО КОНТИНЕНТА

В. В. Воротников, А. Д. Чеков

Проблема политико-географической самоидентификации стран Балтии: историческое прошлое vs объективное настоящее*

Владислав Владиславович Воротников, канд. ист. наук,
доцент Кафедры истории и политики стран Европы и Америки,
науч. сотр. Центра европейских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Института Европы РАН.
E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Александр Дмитриевич Чеков, препод.
Кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО МИД России.
E-mail: a.d.chekov@gmail.com

Аннотация. Сегодня словосочетания «страны Прибалтики» в России и «государства Балтии» (англ. – the Baltic states) на Западе используются, как правило, для обобщенного наименования трех бывших советских республик – Латвии, Литвы и Эстонии. Основаниями для их объединения в рамках единого конструкта выступают прежде всего особенности географического положения, а также некоторые параллели государственного развития, глубоко укоренившиеся в массовом сознании. Однако проблема того, являются ли эти основания достаточными, чтобы говорить о существовании единой «прибалтийской идентичности», разделяемой тремя государствами, или же ее объединяющий потенциал ограничивается рамками предоставления удобного при определенных обстоятельствах «зонтичного термина», сегодня все еще составляет предмет исследовательского интереса. Насколько релевантно на сегодняшний день представление о единой «прибалтийской идентичности» Латвии, Литвы и Эстонии, а также каким образом она соотносится с другими видами политико-географических идентичностей, носителями которых являются эти государства?

Ключевые слова: Латвия, Литва, Эстония, страны Балтии, страны Прибалтики, идентичность, Балтийский регион, Восточная Европа.

Как отмечает литовская исследовательница Г. Миниотайте, в контексте международных отношений Латвию, Литву и Эстонию «зачастую не различают, рассматривая их в качестве единого целого – “государств Балтии”» [15]. Наиболее очевидным фактором для такого объединения представляются особенности географического положения трех государств. Как справедливо отмечается исследователями, Латвия, Литва и Эстония «находятся на восточном берегу Балтийского моря, географически связаны друг с другом и втиснуты между Россией и открытой водой» [12].

*Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук.

Тем не менее выделение в отдельный балтийский эйдос только трех этих государств и только на основании их географического положения вызывает большое число вопросов. К примеру, такие страны, как Швеция и Финляндия, располагаются в Балтийском регионе гораздо более протяженной береговой линией, нежели Латвия, Литва или Эстония, однако в их отношении соответствующий термин используется крайне редко и, по большому счету, ошибочно. С целью подчеркнуть географическую привязку той или иной страны к Балтике активно применяется другой термин — государство региона Балтийского моря¹. Примечательно, что зачастую он употребляется в расширительном толковании, обозначая не только страны, располагающиеся непосредственно на берегах Балтийского моря, но и государства, связанные с ней исторически, культурно или географически (дренажными бассейнами рек), к примеру, Норвегию, Белоруссию, а также небольшие участки Чехии, Словакии и Украины [6].

Таким образом, роль географического фактора в объединении Латвии, Литвы и Эстонии под единым «прибалтийским» зонтиком представляется скорее вторичной. В этой связи на первый план выходит другое обобщающее основание — параллельные траектории государственного развития. Важно отметить, что в массовом сознании эта «параллельность» оттесняет на второй план глубокие исторические и культурные различия между тремя государствами, о роли которых применительно к вопросам «прибалтийской идентичности» будет сказано ниже. Как представляется, такой феномен обусловлен в первую очередь тем, что период, когда траектории государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии шли параллельно друг другу, совпал с периодом, когда конфронтация между коммунистической/социалистической и капиталистической системами выступала в качестве главной определяющей черты мирового развития.

В подобном контексте Латвия, Литва и Эстония с точки зрения Запада превратились в единое политико-географическое пространство, изначально выступавшее элементом «санитарного кордона» против СССР², а после 1940 г. рассматриваемое как «органическая часть Запада, «похищенная» Советским союзом» [7]. Примечательно, что восприятие всех трех прибалтийских республик сквозь призму концепции «санитарного кордона» в итоге также послужило основой для формирования их единой региональной идентичности и в представлениях СССР³. Так, в работах советских историков (к примеру, К. Почса, Х. Арумяэ, Р. Жюгжды, Б. Штейна и др.) Латвия, Литва и Эстония неизменно представляются в виде «антисоветского плацдарма», поддерживаемого странами Запада⁴. Встречается в научной литературе этот подход и сегодня⁵.

Что же касается хронологических рамок параллельного государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии, то они представляются достаточно ограниченными, охватывая период протяженностью чуть более 70 лет — от обретения независимости по итогам Первой мировой войны до выхода из состава СССР в 1991 г.⁶ На этом историческом отрезке траектории государственного развития Латвия, Литва и Эстония действительно шли параллельно друг другу: в 1918 г. три

¹ Важнейшим шагом в политической легитимации этого термина стало создание в 1992 г. региональной международной организации Совета государств Балтийского моря.

² Восприятие Латвии, Литвы и Эстонии в качестве части «санитарного кордона» находит свое отражение в: Rauch, Georg von. *The Baltic States: the Years of Independence; Estonia, Latvia and Lithuania, 1917–1970* / Translated from German by German Onn. — London: Hurst & Company, 1974. — P. 107–111. — URL: [https://books.google.ru/books?id=DwLVOSCXhXc&dq=The+Baltic+States:+the+Years+of+Independence%3B+Estonia,+Latvia+and+Lithuania;+O'Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015.---P.105-107.---URL:https://books.google.ru/books?id=OodjCAAAQBAJ&dq=O%E2%80%99Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015;+Vakar,+Nicholai+P.+Russia+and+the+Baltic+States+//+The+Russian+Review,+Vol.+3,+No.+1+\(Autumn,+1943\).---P.47-48.---URL:https://www.jstor.org/stable/125231](https://books.google.ru/books?id=DwLVOSCXhXc&dq=The+Baltic+States:+the+Years+of+Independence%3B+Estonia,+Latvia+and+Lithuania;+O'Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015.---P.105-107.---URL:https://books.google.ru/books?id=OodjCAAAQBAJ&dq=O%E2%80%99Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015;+Vakar,+Nicholai+P.+Russia+and+the+Baltic+States+//+The+Russian+Review,+Vol.+3,+No.+1+(Autumn,+1943).---P.47-48.---URL:https://www.jstor.org/stable/125231)

³ Интересно, что политическая практика могла и, вероятнее всего, действительно была иной. Уже в начале 1930-х гг. этот подход трансформируется в восприятии стран Балтии как «санитарный кордон наоборот». Как отмечал в 1934 г. К. Радек, «созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада» [5, с. 109].

⁴ Почс К. Я. Санитарный кордон: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). — Рига: Зинатне, 1985; Жюгжда Р. Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919–1940 гг.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. — Вильнюс, 1980; Арумяэ Х. Т., Берзиньш В. М., Бирон А. К. и др. Иностранная военная интервенция в Прибалтике, 1917–1920 гг. / отв. ред. И. И. Минц. — М.: Наука, 1988; Арумяэ Х. Т. Борьба вокруг создания «Балтийского союза», 1919–1925 гг. — Таллин: Ээсти раамат, 1983; Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1949 (Позиции государств Антанты в отношении Прибалтики представлены на с. 203–229, 246–264).

⁵ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). — М.: Алгоритм, 2015. — С. 15; Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. — М.: Алгоритм, 2014. — 720 с.

⁶ Тот факт, что эти хронологические рамки совпадают по времени с существованием в России коммунистического режима и, соответственно, с конфронтацией между коммунизмом и капитализмом, может служить дополнительным подтверждением причин устойчивости восприятия стран Балтии в качестве единого региона.

республики получили независимость, в 1921 г. стали членами Лиги наций, к середине 1930-х гг. перешли к авторитарному политическому режиму⁷, в 1940 г. были инкорпорированы в состав СССР, в 1941 г. попали под власть нацистской Германии, в 1944 г. снова стали советскими республиками, пройдя в послевоенное время в том числе через опыт коллективизации, а в 1991 г. оказались первыми республиками, вышедшими из состава СССР, и единственными, чья независимость была признана советским руководством еще до окончательного распада советского государства (6 сентября 1991 г.). Отдельно этот ряд стоит дополнить упоминанием периода массовых репрессий против жителей прибалтийских советских республик, которые осуществлялись в 1940–1941 гг. и 1944–1953 гг. (подчеркнём, однако, что они касались не только этнических латышей, литовцев и эстонцев, а всех «антисоветских элементов» — в особенности до войны) и которые сыграли важную роль в формировании их национального виктимизированного самосознания [9].

В массовом представлении траектории государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии зачастую продолжают оставаться параллельными и после распада СССР. Частично это может быть объяснено инерционностью, даже несмотря на то, что эти государства являются независимыми уже на протяжении двадцати семи лет. Однако более значительную роль в подпитке этой тенденции играет то обстоятельство, что и сегодня Латвия, Литва и Эстония действительно обладают некоторым набором общих характеристик, которые легче всего считаются внешними наблюдателями. К ним можно отнести интеграцию в европейские и евроатлантические структуры с одновременным отказом от участия в деятельности СНГ; унифицированное отношение к советской истории сквозь призму «оккупационной доктрины»; схожий уровень экономического развития, массовую эмиграцию трудоспособного населения и т. д.

Таким образом, главной предпосылкой для становления единой идентичности Латвии, Литвы и Эстонии выступает схожий опыт их государственного развития в XX в., в то время как роль географического фактора представляется вторичной. При этом в результате наложения соответствующего опыта на общую картину международно-политических процессов в годы противостояния советского проекта и Запада восприятие трех стран в качестве единого региона на уровне массового сознания приобрело устойчивый характер, подпитываемый отдельными политическими сюжетами, объединяющими их и сегодня.

* * *

Важный материал для понимания ограниченного характера «прибалтийской идентичности» в современном мире способен дать анализ государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии в широкой исторической ретроспективе. Для начала стоит отметить, что эти страны никогда не входили в единое культурно-языковое пространство. В то время как языки титульного населения Латвии и Литвы принадлежат к балтийской языковой группе индоевропейской семьи (хотя между латышским и литовским языками имеются существенные различия), эстонский язык входит в финно-угорскую семью.

В процессе исторического развития стран Балтии их культурно-языковые различия дополнились политико-географическими. В качестве точки отчета для углубления этого размежевания можно рассматривать XIII в., когда на территории современной Прибалтики вступил в завершающую фазу процесс разложения родоплеменного строя.

Общественная отсталость племен, проживавших на территории современных Латвии, Литвы и Эстонии, делала их уязвимыми для экспансии со стороны более развитых соседей, которые к началу XIII в. уже успели обзавестись собственной государственностью. К востоку от современной Прибалтики находились русские княжества, к югу — Польское королевство, а к юго-западу, через Балтийское море — немецкие земли.

Уязвимость прибалтийских племен усиливало и то обстоятельство, что они оставались последними язычниками в регионе Центральной и Восточной Европы. В рамках господствовавшего тогда религиозного сознания это обстоятельство легитимизовало внешнюю экспансию в регион, придавая ей характер крестового похода против неверных. Впрочем, подобная мотивация была актуальной в первую очередь для соседей-католиков. Как справедливо отмечает эстонский/канадский историк А. Казекамп, «правители Руси и православная церковь не проявляли большого интереса к обращению в христианство соседей-язычников» [4, с. 31].

⁷ Литва осуществила такой переход несколько раньше — в 1926 г.

В результате в начале XIII в. Прибалтика стала объектом немецкой экспансии, сопровождавшейся колонизацией региона и обращением его населения в католицизм. Военной силой этой экспансии стали преимущественно мелкие немецкие рыцари, ведомые смесью религиозных мотивов и желания обзавестись землей. При покорении региона немцы умело использовали в своих интересах противоречия между населявшими его племенами, некоторые из которых принимали участие в их военных кампаниях, выступая в качестве вспомогательного войска.

Первым племенем, сопротивление которого было сломлено в ходе немецкой экспансии, стали населявшие западную часть современной Латвии ливы, окончательно покорившиеся в 1206 г. Благодаря этому за всей территорией распространения немецкого влияния в Прибалтике закрепилось название Ливония. От племени ливов свое название получил и Ливонский духовно-рыцарский орден, который более чем на триста лет превратился в ключевого политического игрока в Ливонии, соперничая за влияние с ганзейской Ригой и католической церковью, представленной одним архиепископством (Рижским) и тремя епископствами (Дерптским, Эзель-Викским и Курляндским).

К середине XIII в. немецкое культурное, политическое и экономическое влияние в Ливонии, практически совпадавшее в своих границах с территорией современных Латвии и Эстонии, стало доминирующим. Одно время исключением являлась северная часть Эстонии (Эстляндия), которая в 1219 г. оказалась под властью Дании. Однако по своей природе эта власть носила скорее номинальный характер, и в 1346 г. датский король Вольдемар IV продал свои владения Ливонскому ордену. Ведущая роль немцев и шведов (позднее получившая название «остзейского порядка») в общественной жизни Ливонии приобрела настолько устойчивый характер, что не подверглась значительной эрозии даже после того, как это государство утратило свою независимость в ходе Ливонской войны 1558–1583 гг., став ареной борьбы между Данией, Швецией и Польшей, а затем вошло в состав Российской империи по итогам Великой северной войны 1700–1721 гг. и разделов Польши (герцогство Курляндия стало частью «большой России» в 1795 г.). При этом коренное население Латвии и Эстонии оказалось дискриминированным.

Совершенно иной оборот приняла судьба литовских племен, для которых немецкая колонизация послужила толчком к обретению государственной самостоятельности. Процесс ее становления тесно связан с фигурой князя Миндовга (или Миндаугаса), которая превратилась затем в один из основополагающих столпов литовской национальной истории. К середине XIII века Миндовгу удалось объединить вокруг себя разрозненные литовские племена, установив свою власть «над территорией, простиравшейся от Жемайтии на западе до Минска на востоке и Черной Руси на юге» [4, с. 39]. Для упрочнения своего положения Миндовг сблизился с набиравшим силу в Прибалтике Ливонским орденом, согласившись в 1251 г. на крещение и принятие христианства по католическому обряду. В обмен на этот шаг римский папа Иннокентий IV в 1253 г. разрешил племенному вождю короноваться в качестве короля Литвы, положив тем самым начало международному признанию нового государства. Впрочем, спустя некоторое время Миндовг разочаровался в перспективах сближения с Орденом и вышел из католической веры, однако эти события уже не имели большого значения с точки зрения дальнейшего укрепления государственной самостоятельности Литвы.

Монгольское нашествие на Русь в 1237–1240 гг. сильно ослабило русские княжества, но при этом практически не затронуло земли Великого княжества Литовского, открыв ему возможность для экспансии на восток. В результате к середине XIV в. Литва превратилось в крупнейшее государство Восточной Европы. В его состав вошли многие значимые города Древней Руси, включая ее столицу Киев.

Нацеленность литовской экспансии на восток все сильнее отдаляло ее от Балтийского региона, по отношению к которому ее ключевой задачей стало сдерживание экспансии Ливонского и Тевтонского орденов. Примечательно, что с того периода выход Литвы к Балтийскому морю ограничивался узкой полоской земли в районе Жемайтии – самого западного региона в составе княжества. Географически княжество в гораздо большей степени тяготело к территориям современной Украины и Белоруссии.

Тем не менее со временем Литва так же, как и земли к северу от нее, не избежала участи стать объектом усиливающегося иностранного влияния, в данном случае польского. В 1385 г. литовский князь Ягайло заключил Кревскую унию, по условиям которой он соглашался принять христианство по католическому обряду и провести христианизацию Литвы. Взамен польская шляхта давала согласие на его брак с королевой Ядвигой, а также на избрание его польским королем под именем Владислава II [11].

Брак литовского князя и польской королевы имел далеко идущие политические последствия, выходящие за рамки образования личной унии между Литвой и Польшей. Он стал началом многовековой истории польско-литовского сближения, в рамках которой со временем проявились тенденции по становлению доминирующего положения Польши в рамках двустороннего союза, а также постепенной полонизации Литвы. Мощным толчком в развитии этих тенденций стало заключение в 1569 г. Люблинской унии, которая окончательно объединила Литву и Польшу в единое конфедеративное государство — Речь Посполитую. Управление новым государством осуществляли избираемый монарх, который получал титул «короля польского и великого князя литовского»⁸, а также объединённый Сейм. При этом из-за большей численности польского населения представителей Польши в Сейме было в три раза больше, чем представителей Литвы [4, с. 77–78].

Литовская знать стала активнее использовать в обиходе польский язык и заимствовать польские традиции, которые виделись ей более утонченными. В 1697 г. польский язык в Великом княжестве Литовском получил статус государственного, заменив собой западнорусский/русинский. Впрочем, эти события стали лишь отражением длительной (с XV в.) тенденции культурной полонизации. Как справедливо пишет американский историк Т. Снайдер, «последний литовский великий князь, который в принципе знал литовский язык, умер в год, когда Колумб открыл Америку» [18, р. 32]. В одном из современных учебников по истории Литвы отмечается: «Хотя Литва не оставляла попыток использовать в письменном творчестве латинский и даже литовский язык, процесс полонизации постепенно охватил всю ее политическую и культурную элиту. Роль польского языка в литовской культуре хорошо обобщил один из Радзивиллов в своем письме 1615 г.: “Хотя литовцем я родился и литовцем мне доведется умереть, но в своем отечестве должно нам использовать польский язык”» [3, с. 82].

Тем не менее полонизация литовского общества не сопровождалась тотальной дискриминацией этнических литовцев (точнее, в расширительной трактовке, литвинов/русинов — выходцев с территории Великого княжества Литовского, тогда как, к примеру, узкая трактовка считает коренными литовцами только жемайтов) в общественной жизни объединенного государства и не носила насильственного характера — «скорее, это был осознанный и, вероятно, единственно возможный после Кревской унии выбор литовского ядра ВКЛ...» [8, с. 21]. При этом на всем протяжении существования Речи Посполитой ключевые военные и политические должности в Великом княжестве занимали литовцы/русины. На территории княжества существовал примат литовского права (право Литовских Статутов в том или ином виде действовало и в XIX в.), а для поднятия статуса литовского дворянства в XVI в. был создан и получил распространение характерный для тех времен миф, согласно которому литовцы были потомками римлян. Если же говорить об идентичности, то у высших слоев Великого княжества Литовского сформировалась особая, как минимум двойная (лат. *“gente Lithuanus, natione Polonus”* = «по роду — литвин/литовец, по национальности — поляк»), а возможно, и множественная идентичность, специфика которой, как представляется, лучше всего была описана следующим образом: «...по своему этническому составу знать формировала дворянский слой с общим литовским национальным самосознанием. По происхождению они (чаще всего) были русинами, по вероисповеданию — греко-католиками, по политическому самосознанию — литовцами, а говорили по-польски» [3, с. 82].

Таким образом, изучение государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии в широкой исторической ретроспективе выводит на первый план не столько объединяющие их элементы, сколько различия. В XIII в. немцы заняли доминирующее положение в общественной жизни на территории современных Латвии и Эстонии, лишив коренное население этих территорий возможности сформировать собственную национальную государственность. В то же время литовцы не только смогли образовать такую государственность, но и довести свое государство до превращения в XIV–XV вв. в крупнейшую восточноевропейскую державу. Впрочем, со временем и их земли подверглись проникновению иностранного культурного и политического влияния (польского). Кроме того, углубился раскол в культурной и экономической ориентации между Латвией и Эстонией, с одной стороны, и Литвой — с другой. Первые две территории оказались интегрированы в единое культурное и экономическое пространство с городами северной Германии, в то время как литовцы явным образом сблизилась с соседним славянским населением.

⁸ Важнейшим шагом в политической легитимации этого термина стало создание в 1992 г. региональной международной организации Совета государств Балтийского моря.

Таблица

Исторические и культурно-языковые различия Латвии, Литвы и Эстонии⁹

Страна	Создание государственности	Язык	Доминирующая религия	Политико-географическая	Основное культурное влияние
Латвия	1918 г.	Балтийский (летто-литовская группа, индоевропейская семья)	Лютеранство	Северная Европа	Немецкое, шведское
Литва	XIII век	Балтийский (летто-литовская группа, индоевропейская семья)	Католицизм	Центральная Европа	Польское
Эстония	1918 г.	Финно-угорская группа (уральская семья)	Лютеранство	Северная Европа	Немецкое, датское, шведское, финское

Источник: [17].

В заключение отметим оценку эстонского исследователя К. Яансона, рассматривавшего подход Германии в XIX — начале XX вв. к восточно-балтийскому региону как наиболее близкий к нынешнему представлению, однако в то же время подчеркивавший литовскую специфику: «В более узком смысле и, в особенности, в Германии понятие “Балтийские страны” на рубеже веков относилось к Эстляндии, Лифляндии и Курляндии — провинциям царской России, то есть практически к территории современных Латвии и Эстонии, где балтийские немцы, или, если быть более точным, элита, состоящая из них, доминировали в политическом, экономическом и культурном отношениях веками. В то время, когда концепция балтийских стран, включающих Эстонию, Ливонию и Курляндию, формировалась — это произошло довольно поздно, в середине XIX в., — Литва к ним еще не принадлежала. Следствием этого была точка зрения создателей Балтийского герцогства в 1918 г.: по их мнению, Литва была чем-то отличным от балтийских государств» [14].

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии глубоких исторических и культурных предпосылок для формирования единой «прибалтийской идентичности» для ареала Латвии, Литвы и Эстонии. Они же объясняют укрепление политико-географической самоидентификации Латвии и Эстонии с регионом Северной Европы, а Литвы — с регионом Центральной и Восточной Европы.

* * *

Не менее важным для понимания сегодняшнего состояния вопроса являются краткое сопоставление траекторий государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии и характеристика специфики межгосударственного сотрудничества после получения ими независимости и распада СССР.

На общественном уровне такие связи интенсифицировались в виде сотрудничества творческих союзов в годы «перестройки», став логическим дополнением образа Прибалтики как «витрины» советской экономической и общественной жизни. Апофеозом духа общественного единения стала проведенная жителями трёх прибалтийских республик 23 августа 1989 г. акция «Балтийский путь», символизировавшая их «стремление к свободе». А уже менее чем через год, 12 мая 1990 г., несмотря на всю условность (учитывая существование СССР) этого акта, был возобновлён «Договор о согласии и сотрудничестве» от 12 сентября 1934 г. («Балтийская Антанта»).

⁹ Отметим, что в приведенной Таблице, составленной литовским исследователем, русское/российское влияние отсутствует в принципе.

В подписанной В. Ландсбергисом, А. Горбуновым и А. Рюйтем декларации провозглашалось: «образовать Совет Балтийских государств, помогая тем самым полностью восстановить государственную независимость прибалтийских республик» [1, с. 370].

Как отмечал в мемуарах первый президент независимой Литвы А. Бразаускас, «Балтийские страны сердечно дружили и шёпотом доверчиво разговаривали ещё в годы оккупации СССР. Почувствовав надежду свободы, делали это уже открыто и очень интенсивно. Руководители образовавшихся национальных фронтов (в Литве это был “Саюдис”) поддерживали друг друга и согласовывали свои действия... Всех объединял общий интерес: освобождение. Солидарность была дополнительной силой.

Однако после достижения цели интересы разделились. Те же интересы даже стали причиной конкуренции, особенно когда серьёзные западные политики и рядовые функционеры международных организаций заговаривали о том, что одна из Балтийских стран в какой-нибудь области продвинулась больше, другая — меньше, что двери в европейские и трансатлантические структуры могут открыться не всей троице сразу. Тогда началось не только здоровое соревнование, но и определённая скрытность; не стеснялись даже громко сказать, что мы лучше, а вот соседи отстают» [1, с. 367–368].

Разными путями (при внешнем сходстве моделей реформирования) шли и процессы политического и социально-экономического транзита. В частности, разную скорость процессов либерализации экономик стран Балтии предопределило то, каким образом в них проходила приватизация. В Эстонии она осуществлялась наиболее жёстко, и предприятия в соответствии с законом о банкротстве имели выбор только между приватизацией и ликвидацией. Соответственно, не желая ликвидации, эстонцы прибегали к единственному возможному выходу — привлечению иностранного инвестора. Схожая модель была использована в Латвии, однако там получила распространение (хотя и не такое, как в Литве) ваучерная приватизация, поэтому этот процесс шёл медленнее. В Литве, в отличие от Эстонии, процедура банкротства практически не применялась, а ваучеризация была именная (в отличие от Латвии), соответственно, у литовских граждан появилась возможность покупать предприятия за ваучеры. Кроме того, была запрещена продажа земли иностранцам (условия под давлением Европейской комиссии были упрощены только в 2017 г.). Следствием разнообразных методик проведения приватизации стал различный процент присутствия иностранного капитала. В результате наибольшее количество предприятий и банков принадлежит иностранцам в Эстонии (80–90 %), а наименьшее — в Литве (около трети, хотя в банковском и смежных секторах, то есть в страховании, консалтинге, — около 70 %) [10].

Во внутриполитической сфере, при общем сходстве нестабильных¹⁰ многопартийных политических систем, также стоит отметить ключевое различие. Оно заключается в наличии различных моделей взаимоотношений между политическими элитами и национальными меньшинствами — в первую очередь русскоязычными. Этот фактор оказал большое влияние на процесс транзита Латвии, Литвы и Эстонии от советской системы к новым политическим режимам. К примеру, в Латвии и Эстонии стремление элит уменьшить политическое влияние национальных меньшинств сыграло важную в специфике проведения экономических реформ роль, в то время как в Литве с ее относительно гомогенным населением межнациональные противоречия не оказали существенного влияния на формирование постсоветской политической и социально-экономической моделей [16].

Как уже говорилось выше, на уровне массового сознания объединяющие черты выступают доминирующими, что обуславливается в первую очередь ярко выраженным евроатлантическим креном их внешней политики. 12 июня 1995 г. Латвия, Литва и Эстония первыми из постсоветских республик подписали с ЕС Соглашения об ассоциации, а 1 мая 2004 г. официально стали членами союза. 16 января 1998 г. президент США У. Клинтон и лидеры трех прибалтийских республик подписали Балтийскую хартию, в тексте которой было зафиксировано, что Вашингтон приветствует «стремление и поддерживает усилия Эстонии, Латвии и Литвы по присоединению к НАТО»¹¹, а 29 марта 2004 г. они официально стали членами альянса.

Другим фактором является координация внешних политик Латвии, Литвы и Эстонии. В 1990-е гг. эта координация приобрела институциональную основу с созданием органов межпар-

¹⁰ В Латвии за период с 1991 г. до сегодняшнего дня сменилось 20 правительств, в Литве — 15, в Эстонии — 16.

¹¹ Весьма показательно, что ЕС руководствовался так называемым принципом «регат», то есть началом переговоров с конкретной страной в соответствии с ее собственными достижениями по мере выполнения «домашнего задания». В результате Эстония попала в число стран «первой волны», которые были приглашены к переговорам о членстве в ЕС, в 1997 г., тогда как Латвия и Литва — в 1999 г. [19]

ламентского (Балтийская ассамблея, 1991 г.) и межправительственного сотрудничества (Балтийский совет министров, 1994 г.). В качестве ключевых успехов трехстороннего взаимодействия можно рассматривать создание зоны свободной торговли (1993 г.), а также совместных миротворческого батальона BALTBAT и системы наблюдения за воздушным пространством BALTNET (1994 г.), военно-морской эскадры BALTRON и военного колледжа BALTDEFCOL (1998 г.), а также информационной системы управления и контроля BALTCCIS (2002 г.). При этом на практическом уровне эта координация в основном сегодня ограничивается лишь формальными заявлениями и декларациями. Частично координация трансформировалась в разработку совместных подходов к общеевропейским делам с тремя северными государствами — членами ЕС (Финляндией, Швецией и Данией) в формате NB3+3.

Важной особенностью современного состояния прибалтийского сотрудничества является не только и даже не столько соперничество между странами Балтии в экономической (например, конкуренция в сфере принятия максимальных объемов транзитных перевозок; литовско-латвийский «железнодорожный» конфликт), международно-политической (за региональное лидерство) и даже юридической (например, практически канувшие в лету споры между Литвой и Латвией по поводу государственной принадлежности нефтеносного участка континентального шельфа в районе Клайпеды и Лиепай; конфликт из-за принадлежности промысловых зон между Латвией и Эстонией; «сельскохозяйственные войны» между Литвой и северными соседями и др.) областях, сколько утрата единой цели, а значит, и стратегического смысла совместной реализации проектов, каковыми на рубеже 1980—1990-х гг. было обретение независимости.

По мере углубления интеграции с ЕС потенциал трехстороннего сотрудничества между Латвией, Литвой и Эстонией постепенно сужался в первую очередь из-за диверсификации системы их внешнеэкономических связей. «Вопрос о балтийской региональной интеграции оказался краткосрочным, — отмечается в одном финском исследовании, — поскольку европейская интеграция в долгосрочной перспективе поглотила вопрос региональной интеграции»¹². Проявлением этой тенденции стали трудности в реализации, казалось бы, призванные объединить совместные инфраструктурные проекты — такие как строительство скоростной железнодорожной магистрали Rail Baltica / Rail Baltica 2, новой АЭС (взамен закрытой Игналинской) или общего терминала СПГ. В результате на сегодняшний день трехстороннее сотрудничество стран Балтии сводится преимущественно к общеполитическим и отчасти военным аспектам, в то время как его экономический потенциал «растворился» внутри ЕС и Балтийского региона.

Таким образом, после обретения независимости идея «прибалтийской идентичности» стала подвергаться в своей сути быстрой эрозии, что в свою очередь стало отражением неудачи в формировании ее экономической основы, а также нарастания внутривнутриполитических различий между странами. В результате с точки зрения содержания образ стран Балтии сегодня включает в себя в значительной мере военно-политические аспекты (Латвия, Литва, Эстония как «прифронтовые государства») и лишь отчасти «островную» специфику («инфраструктурный» остров в ЕС), причем оба этих проявления имеют постсоветскую природу, широко используемую в западном медиа- и научном дискурсах и легко воспринимаемую как научно-экспертным сообществом, так и обывателем.

* * *

Выступая в декабре 1999 г. в Шведском институте международных отношений в Стокгольме, министр иностранных дел (1999—2002 гг.) и впоследствии президент Эстонии (2006—2016 гг.) Т. Х. Ильвес сделал ставшее позднее хрестоматийным заявление:

«Пришло время признать, что в Балтийском регионе мы имеем дело с тремя очень разными странами... Не существует какой-либо балтийской идентичности, характеризующей общей культурой, языковой группой, религиозными традициями» [13].

В контексте проведенного анализа оценка Т. Х. Ильвесом данного феномена представляется достаточно точной, тем более что с того момента уже прошло почти два десятилетия. На сегодняшний день развитие концепта «прибалтийской идентичности» ограничивается предоставлением удобного «зонтичного термина» для обозначения Латвии, Литвы и Эстонии, однако не преодолевает эти границы. В смысле политико-географической самоидентификации она

¹² United States — Baltic Charter. Signed in Washington on January 16, 1998. — URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/usa/policy/baltic-us-relations/us-baltic-charter>.

оказывается оттесненной на второй план североευропейской (в случае Эстонии и Латвии) или центральноевропейской политико-географической (в случае Литвы) идентичностями. Вместе с тем существенное значение для сохранения этой идентичности продолжает иметь фактор советского прошлого. В условиях усилившегося присутствия стран Балтии в информационных пространствах России и западных стран в негативном и при этом связанном с Россией контексте именно он оказывает определяющую роль для сохранения восприятия массовым сознанием этих государств в рамках «прибалтийской идентичности». В этой связи преодоление странами Балтии фобий, связанных с этим прошлым, вероятнее всего, позволит им вырваться за пределы «прибалтийскости», продолжив движение по пути обретения своего специфического образа в мировой истории и политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бразаускас А. Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. — М.: Унипринт, 2002. — 623 с.
2. Воротников В. В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 272 с.
3. История Литвы / А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулаускас, М. Тамошайтис. — Вильнюс: Eugrimas, 2013. — URL: <http://www.eu2013.lt/lt/pirmininkavimas-ir-es/kulturine-programa/Lietuvos-istorija>
4. Казекампи А. История балтийских государств. — Тарту: University of Tartu Press, 2014. — 398 с.
5. Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. — М.: Алгоритм, 2014. — 720 с.
6. Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. — 2017. — Т. 9. — № 4. — С. 7–28.
7. Колосов В. А., Бородулина Н. А. Геополитический дискурс и отношения между Россией и странами Балтии // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 9. — С. 97–106.
8. Польша: политика, экономика, общество / В. В. Воротников, Н. С. Дымищ, А. А. Габарта, Г. М. Лесная, А. В. Мальгин; под ред. А. В. Мальгина. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. — 240 с.
9. Симонян Р. Х. «Оккупационная доктрина» в странах Балтии: содержательный и правовой анализ // Государство и право. — 2011. — № 11. — С. 106–114.
10. Симонян Р. Х. Страны Балтии: общее и особенное (социально-экономический аспект) // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 105–116.
11. Тынянова О. М. Европейская шахматная доска: миттельшпиль в «Миттельевропе» (к 625-летию Кривской унии и 600-летию Грюнвальдской битвы) // Пространство и время. — 2010. — № 1. — С. 79–90.
12. Huang M. Why the “Baltic states”? // Central Europe Review. — November 29, 1999. — Vol. 1. — No. 23. — URL: <http://www.ce-review.org/99/23/amber23.html>
13. Ilves T. Estonia as a Nordic Country. Address at the Swedish Institute for International Relations in Stockholm on December 14, 1999. — URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/toomasilvesestonianordiccountr.htm>
14. Jaanson K. The Baltic Sea region in international relations of the twentieth century: The seminal nature of the interwar period // Journal of Baltic Studies. — 2001, Fall. — Vol. 32. — No. 3. — P. 267–288.
15. Miniotaite G. Convergent Geography and Divergent Identities: a Decade of Transformation in the Baltic States // Cambridge Review of International Affairs. — 2003. — Vol 16. — Issue 2. — P. 209–222.
16. Mygird N. Different Paths of Transition in the Baltics / Copenhagen’s Business School Center for East European Studies (CEES) Working Paper. — 1997. — No. 5. — 37 p. — URL: <http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/7085/wp05.pdf?sequence=1>
17. Paulauskas K. The Baltic States: Picking Regions, Shedding Myths, Decoding Acronyms // Lithuanian Foreign Policy Review. — 2005. — Issue 1–2 (15–16). — P. 51–64.
18. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. — New Haven & London: Yale University Press, 2003. — 384 p.
19. The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Studies&Reports 98 / A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L. Zorgenfrei; foreword by E. Buzek. — Paris: Notre Europe — Jaques Delors Institute, July 2013. — 100 p. — URL: <http://www.eng.notre-europe.eu/011-16347-The-Baltic-states-in-the-EU-yesterday-today-and-tomorrow.html>

VLADISLAV VOROTNIKOV, ALEXANDER CHEKOV

The Problem of Political-Geographical Self-Identification of the Baltic States: the Historical Past vs the Objective Present

Vladislav V. Vorotnikov, PhD (History),
Research Fellow, Centre for European Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University;
Associate Professor, Department for European
and American Studies, MGIMO-University;
Leading Research Fellow, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences.
E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Alexander D. Chekov, Lecturer,
Department of International Relations and Foreign Policy of Russia,
MGIMO-University. E-mail: a.d.chekov@gmail.com

Summary. Today, the term “the Baltic states” is used, as a rule, as an umbrella-name for the three former Soviet republics – Estonia, Latvia and Lithuania. The grounds to unify them into a single construct are, above all, their geographical location, as well as some parallels of state development, deeply rooted in the mass consciousness. However, the problem of whether these grounds are sufficient to speak of a single “Baltic identity” shared by three states, or whether its unifying potential is limited to providing an “umbrella term” convenient under certain circumstances, is still a matter of research interest. How relevant today is the idea of a unified “Baltic identity” of Estonia, Latvia and Lithuania, and how does it correlate to other types of political and geographical identities of these countries?

Keywords: Latvia, Lithuania, Estonia, Baltic states, identity, Baltic region, Eastern Europe.

REFERENCES

- The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Studies & Reports* 98. A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L. Zorgenfreija; foreword by E. Buzek. Paris: Notre Europe-Jaques Delors Institute; July 2013. 100 p. – URL: <http://www.eng.notre-europe.eu/011-16347-The-Baltic-states-in-the-EU-yesterday-today-and-tomorrow.html>.
- Brazauskas A. *Pyat' let Prezidenta: sobytiya, vospominaniya, mysli* [Five Years of the President: Events, Memories, Thoughts]. Moscow: Uniprint, 2002. 623 p.
- Huang M. Why the “Baltic States”? *Central Europe Review*. November 29, 1999. Vol. 1. No. 23. – URL: <http://www.ce-review.org/99/23/amber23.html>
- Ilves T. *Estonia as a Nordic Country*. Address at the Swedish Institute for International Relations in Stockholm on December 14, 1999. – URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/toomasilvesestonianordiccountr.htm>
- Istoriya Litvy* [History of Lithuania] / A. Ejdtintas, A. Bumblauskas, A. Kulakauskas, M. Tamoshajtis. Vilnius: Eugrimas, 2013. – URL: <http://www.eu2013.lt/lt/pirmininkavimas-ir-es/kulturine-programa/Lietuvos-istorija>
- Jaanson K. The Baltic Sea Region in International Relations of the Twentieth Century: The Seminal Nature of the Interwar Period. *Journal of Baltic Studies*. 2001, Fall. Vol. 32. No. 3. P. 267–288.
- Kasekamp A. *Istoriya baltiyskikh gosudarstv* [History of the Baltic States]. Tartu: University of Tartu Press, 2014. 398 p.
- Ken O. N., Rupasov A. I. *Zapadnoe prigranich'e. Politbyuro CK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami* [West Frontier. Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) and Relations of the USSR with the Western Neighboring States]. Moscow: Algoritm, 2014. 720 p.
- Klemeshev A. P., Korneev V. S., Pal'movskij T., Studzhinicki T., Fedorov G. M. *Podhody k opredeleniyu ponyatiya*

- “Baltiiskij region” [Approaches to Defining the Baltic Region]. *Baltiiskij region*. 2017. Vol. 9. No. 4. P. 7–28.
- Kolosov V.A., Borodulina N.A. Geopoliticheskij diskurs i otnosheniya mezhdu Rossiej i stranami Baltii [Geopolitical Discourse and Relations Between Russia and the Baltic Countries]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2007. No. 9. P. 97–106.
- Miniotaitė G. Convergent Geography and Divergent Identities: a Decade of Transformation in the Baltic States. *Cambridge Review of International Affairs*. 2003. Vol. 16. Issue 2. P. 209–222.
- Mygird N. *Different Paths of Transition in the Baltics*. Copenhagen’s Business School Center for East European Studies (CEES) Working Paper. 1997. No. 5. 37 p. — URL: <http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/7085/wp05.pdf?sequence=1>
- Paulauskas K. The Baltic States: Picking Regions, Shedding Myths, Decoding Acronyms. *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2005. Issue 1–2 (15–16). P. 51–64.
- Pol’sha: politika, ehkonomika, obshchestvo [Poland: Politics, Economics, Society] / V. V. Vorotnikov, N.S. Dymshits, A. A. Gabarta, G. M. Lesnaya, A.V. Mal’gin, U. Moskva; ed. by A.V. Mal’gin. M.: Izdatel’sтво “Aspekt Press”, 2016. 240 p.
- Simonyan R. H. “Okkupacionnaya doktrina” v stranah Baltii: sodержatel’nyj i pravovoj analiz [“Occupation Doctrine” in the Baltic States: A Substantive and Legal Analysis]. *Gosudarstvo i pravo*. 2011. No. 11. P. 106–114.
- Simonyan R. H. Strany Baltii: obshchee i osobennoe (social’no-ehkonomicheskij aspekt) [Baltic Countries: General and Particular (Socio-economic Aspect)] // *Voprosy ehkonomiki*. 2002. No. 9. P. 105–116.
- Snyder T. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven & London: Yale University Press: 2003. 384 p.
- Tynyanova O.M. Evropejskaya shahmatnaya doska: mittel’shpil’ v “Mittel’evrope” (k 625-letiyu Krevskoj unii i 600-letiyu Gryunval’dskoj bitvy) [European Chessboard: the Middle Game in Mittel Europe (to the 625th Anniversary of the Krevo Union and the 600th Anniversary of the Battle of Grunwald)]. *Prostranstvo i vremya*. 2010. No. 1. P. 79–90.
- Vorotnikov V. V. *Vneshnyaya politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka* [Foreign Policy of the Baltic States at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Izdatel’sтво “Aspekt Press”, 2015. 272 p.